

Солнце взошло с востока и теперь садилось на западе. Уже почти смеркалось.

Жэнь Ифэй шел целый день, и когда он снова прогуливался по павильону Тин Юнь, он увидел множество демонов, лежащих во дворах и коридорах. Они не были мертвы, так как он видел, как двигалась их грудь, они просто были без сознания.

«Уже почти сумерки...» его тело было омыто и слегка окрашено сумеречным сиянием.

Подол одежды Жэнь Ифэя бесшумно скользнул по полированному коридору. Как раз когда он собирался свернуть за угол, за его спиной внезапно раздались другие шаги и неторопливо последовали за ним.

Он сделал небольшую паузу, прежде чем продолжить идти вперед, пока не достиг уединенного двора.

В конце концов он остановился и сел на холодную каменную скамью под павильоном. Он сказал, не оборачиваясь: «Ты пришел».

Человек позади него издал низкий смешок: «Я знал, что лабиринт не сможет удержать старшего брата. Темнеет, и ветер становится холоднее, так почему же старший брат ходит по коридорам вместо того, чтобы выпить со мной?»

«Я не смею пить твое вино», — Жэнь Ифэй не оглядывался.

Он услышал приближающиеся к нему шаги и парчовую мантию, наброшенную ему на плечи. Жэнь Ифэй был ошеломлен. Он смотрел, как Цин Хун подошел, наклонился и опустил глаза, осторожно завязав ему ремень: «Старший брат ехал на облачной колеснице вместе с кем-то».

Голос был тихий, как будто в нем была какая-то неопишуемая обида.

«Ты знаешь, кто это был», — Жэнь Ифэй переложил вину на другую свою личность.

«Кто это был, не имеет значения. Ты мой старший брат, ты можешь быть только моим, — прошептал Цин Хун. Когда он повернулся спиной к свету, его глаза выглядели запавшими.

«Чепуха», что он имеет в виду, говоря, что он его старший брат? А Хуа Юй?

Цин Хун упорно молчал.

Жэнь Ифэй ничего не говорил. Он боялся, что выругается, если откроет рот.

Нрав Хэ Цзюня уже был очень хорошим, и его неприятие было очевидным. Жэнь Ифэй не видел ничего плохого в том, как он ответил.

Поскольку намерений не было, было бы вежливо не водить за собой других.

Будь это сам Жэнь Ифэй, он сделал бы это еще более безжалостно.

Как и в прошлом, когда он напрямую подал в суд на фальшивых фанатов, пробравшихся в его комнату, и отправил их в тюрьму, он не будет дорожить другой стороной только из-за их братства.

«Почему младшей сестры здесь нет?» Он спросил Цин Хуна.

Цин Хун только закончил разбираться с павлином, поэтому он не встретился с Хуа Юй:
«Почему старший брат должен упоминать других, когда мы с тобой одни?»

«Она жена младшего брата, как она может считаться кем-то другим?»

«Это существует только по имени, неправильно называть ее моей женой», Цин Хун накрутил шелковистые черные волосы Жэнь Ифэя на пальцы и наклонился ближе. Сумасшедшие мысли, проносящиеся в его голове, ясно читались в его глазах.

Жэнь Ифэй вдруг почувствовал, что что-то не так. Когда он уже собирался оттолкнуть другого, его поразил сильный сладкий аромат, и все его чувства были захвачены какой-то галлюцинацией, похожей на цветок персика.

Это снова... этот человек пытается накачать его наркотиками до смерти.

Жэнь Ифэй покачал головой, пытаясь проснуться.

«Старший брат заметил что-то неладное? К сожалению, уже слишком поздно».

«Старший брат», — Цин Хун издал низкий вздох и потянулся, чтобы обнять другого человека.

«Было бы здорово, если бы сердце старшего брата было таким же мягким, как твои волосы. Вместо этого твое сердце подобно камню на вершине заснеженной горы. Оно такое холодное и твердое, что его невозможно растопить, даже если держать в руках».

«Ты хочешь спать со мной?» Жэнь Ифэй посмотрел вверх.

Несмотря на то, что он находился в более уязвимом положении, внушительная аура фигуры Жэнь Ифэя ростом 2,8 метра не уменьшилась. Даже когда он произнес двусмысленные слова, такие как «спать», его тело казалось достаточно холодным, чтобы заморозить воду.

Он был спокоен, и его величие все еще присутствовало. Когда эти глаза переглянулись, его холодный и острый взгляд прямо пригвоздил Цин Хуна к месту, не давая ему причинить какие-либо проблемы.

Цин Хун убрал руку и использовал только глаза, чтобы смотреть на лицо, о котором он мечтал днем и ночью: «Если бы я мог завоевать сердце старшего брата, просто послав с тобой, я бы добился успеха сто лет назад. Если старший брат не хочет, то я не буду тебя заставлять».

Жэнь Ифэй некоторое время молчал. В этот момент он был в иллюзии и чувствовал тошноту всякий раз, когда качал головой. Однако чем сильнее его тошнило, тем спокойнее он становился.

Могло показаться, что он был в невыгодном положении, но из-за этого Цин Хун не вел себя с ним так осторожно, и ему дали такую возможность.

Жэнь Ифэй посмотрел на Цин Хуна, и ему внезапно пришла в голову идея.

«Лампы по ночам и цветы в саду...»

Жэнь Ифэй неопределенно ответил. Цин Хун не знал, что его проверяют, и подумал, что другая сторона наконец заметила, что что

-то не так. Он сказал с улыбкой:

«Старший брат наконец-то узнал?»

Цин Хун несколько раз усмехнулся: «Обычный плетеный лотос, естественно, не обладает такими ненормальными способностями, в то время как мутантные издают бесцветный психоделический аромат без запаха».

«Кроме того, я также сконденсировал его в более трудно обнаруживаемый наркотик и подмешал его в вино. К сожалению, старший брат все еще слишком чувствителен и даже не прикоснулся к нему».

Жэнь Ифэй снова посмотрел на него. Он также выпил много алкоголя, но в этот момент ничего не произошло. Это может означать, что у этого вида аромата есть либо ингибитор, либо противоядие. Он снова спросил: «Где противоядие?»

Цин Хун не ответил.

Жэнь Ифэй не был разочарован. Он продолжал спрашивать: «Этот пир был твоей идеей, и все демоны, которых пригласили, — твои жертвы. Тогда что насчет меня?»

«Старший брат, конечно, нет», — с тревогой сказал Цин Хун, — «Моя привязанность к старшему брату засвидетельствована небом и землей, как я мог причинить тебе боль?»

Очень хорошо. Он даже не стал отрицать первую половину предложения, то есть демоны, которых пригласили, действительно являются жертвами, которые будут принесены в жертву для определенной цели.

Жэнь Ифэй слегка улыбнулся и продолжил спрашивать, в то время как Цин Хун все еще отрицательно качал головой: «Почему? Для выращивания? Для статуса? Нет, тебе ничего из этого не нужно».

Он подумал о маленьком старике в маленьком саду, другая сторона сказала, что это для молодого мастера, который, как много раз упоминал Цин Хун, должен родиться через несколько дней. Поэтому он спросил: «Это для ребенка?»

Зрачки Цин Хуна сузились, а глаза расширились. Хотя выражение его лица было мимолетным, оно все же ответило на вопрос.

Да, это было для ребенка.

Требуют ли нормальные роды таких жертв?

Если при рождении демона требовалась жертва, то как другие большие демоны могли явиться на пир без малейшего подозрения? Вспоминая странное поведение Хуа Юй, чем больше он думал об этом, тем больше Жэнь Ифэй чувствовал, что что-то не так. Как раз когда он собирался заговорить, рука протянулась и закрыла его рот.

«Больше не спрашивай».

После того, как Цин Хун закончил говорить, он почувствовал, как что-то мягкое трется о его ладонь. Он также чувствовал горячий и влажный поток воздуха каждый раз, когда другая сторона выдыхала. Хотя его лицо сразу же покраснело, он все равно непреклонно говорил: «Старший брат такой безжалостный человек, но твои губы оказались такими мягкими».

Лицо Жэнь Ифэя ничего не выражало. Все его тело источало холодный воздух, похожий на лед и снег, заставляя его сердце учащенно биться.

Цин Хун так одержим Хэ Цзюнем, может ли он вообще иметь детей от другого человека?

Он также вспомнил случай столетней давности; первоначальный владелец потерял кровь из своего сердца, и был зачат ребенок..... это невозможно, верно?

Пока Жэнь Ифэй погрузился в свои мысли, Цин Хун взглянул на него и дернул его за рукава, от чего исходил тошнотворно-сладкий аромат.

Вот и снова... Жэнь Ифэй крепко взял карту призрака в руке, слушая, как Цин Хун шепчет ему на ухо: «Старший брат, спи. Все будет кончено, когда ты проснешься».

С приближением сумерек небо медленно темнело там, где был Саман. Через отверстия со всех сторон дул холодный ветер, из-за чего температура резко падала. Игроки, на которых было меньше одежды, уже начинали дрожать.

Саман завернулся в очередное пальто под завистливыми взглядами окружающих. И он, и Цин Линь уже спали по полдня каждый и регулярно пополняли запасы еды и воды. На данный момент они были в хорошем настроении и полны сил.

После того, как они вдвоем прибыли на это место, подошли еще две группы игроков. Одна из групп, как и они, предпочла отдохнуть, а другая группа не вняла их предупреждениям и попыталась подняться.

Другая сторона использовала опору, напоминающую ракету, которая могла проехать несколько километров за несколько секунд. Казалось, они могли перемещаться из одного конца этого цилиндрического пространства в другой в мгновение ока.

Настроение других игроков было особенно сложным, когда они смотрели, как другая группа взлетает. Они надеялись, что другая сторона преуспеет и принесет надежду игрокам, но они также не хотели, чтобы другая сторона преуспела и первой достигла вершины.

К сожалению, эти игроки потерпели неудачу. После этого не осталось даже их костей.

Саман никогда не видел столько насекомых, больших и маленьких — нет, большие жуки не были проблемой. Настоящей угрозой был черный туман, который трудно было обнаружить невооруженным глазом.

Игрок, который был с ними раньше, сказал, что эти монстры все еще относительно слабы.

Они не знали, как и когда вообще появился этот черный туман. В одну секунду они видели, как игроки сидят в маленькой ракете, готовящейся к взлету, а в следующую сверху падают их кости и остатки ракеты.

«Можем ли мы действительно победить этот тип монстров?» Лицо Цин Линя было бледным, как и у многих других игроков.

«Игры не задают непревзойденных сценариев», — Саман поднял платком упавшие кости и внимательно их осмотрел. Он заметил, что поверхность была очень чисто обглодана.

Неизвестно, что это были за странные виды насекомых, но они были чрезвычайно быстрыми, а их рот был чрезвычайно безжалостным.

После этого инцидента все игроки отказались от ухода за смертью в дневное время и ждали наступления ночи, разбираясь с одним или двумя монстрами, упавшими на платформу.

Саман заинтересовался трубами на стенах. Потому что, согласно его предположениям, то, что поглощало все эти «питательные вещества», скорее всего, было «призраком».

Однако он не стал опрометчиво приближаться к стене. Ее охраняли монстры, так что идти туда было не менее опасно, чем подниматься вверх.

— Это дерево, — сказал он.

«А?» Цин Линь был в растерянности.

На самом деле, Саману не нужно было, чтобы другая сторона отвечала. Ему просто нужно было, чтобы кто-то выслушал его догадки: «Как я уже сказал, трубы, расходящиеся вниз, — это корень дерева, а демоны — это питательные вещества, которые впитываются и превращаются в этот липкий желатин, который транспортируется вверх слой за слоем».

Он снова посмотрел на монстров, которые летали в воздухе: «А это паразиты, такие же, как и мы. Однако разница в том, что мы здесь, чтобы уничтожить дерево, а они — охранники, которых неосознанно притянуло к дереву».

«Поэтому, если мы поднимемся по трубам доставки питательных веществ, мы обязательно найдем эту штуку».

Среди игроков было много умных людей, и некоторые уже поняли это, поэтому для них не стало неожиданностью, когда они услышали слова Самана. В играх было несложно узнать «призрака», труднее было найти «его».

В это время конкуренция была уже не в мудрости, а в способности прорваться. Неважно, была ли эта способность навыком, опорой или каким-то врожденным талантом.

Они знают, что человек, достигший вершины быстрее всех, может стать самым крупным

победителем.

Несколько игроков, которые спали, чтобы пополнить свою энергию, также проснулись. Небо медленно темнело, что означало приближение сумерек. Все присутствующие были сторонниками, но в равной степени и конкурентами.

Даже Саман и Цин Линь все еще защищаются друг от друга. Это было последнее поле битвы, и они тоже были противниками.

Приближались сумерки, и на поверхности также велись последние приготовления.

Цин Хун смотрел на Жэнь Ифэя, и Жэнь Ифэй тоже смотрел на него. После того, как ему дали высокую концентрацию психоделического препарата, он не заснул, как ожидал Цин Хун. Наоборот, он был очень бодр.

Цин Хун был поражен, и у него внезапно появилось плохое предчувствие.

— Ты не хочешь спросить, почему у меня нет никаких галлюцинаций? Жэнь Ифэй медленно поднял руку.

Цин Хун тупо уставился на него, пока он двигал запястьем: «Когда ты.....»

Когда ты освободился от психоделического эффекта аромата?

Испытав благовония в лабиринте, Жэнь Ифэй немного сопротивлялся им. С того момента, как он привел сюда Цин Хуна, до того момента, когда он притворился, что на него повлиял психоделический аромат, и даже сейчас все было под его контролем.

«Я вышел из лабиринта несколько часов назад», но он намеренно появился не так давно.

Несколько часов назад? Цин Хун сразу понял, что он имел в виду: «Ты специально показал себя? Ты также был под воздействием наркотиков.....»

«Это было, чтобы выманить тебя», — прямо сказал он ему в ответ.

Правильно, это для тебя.

Кончик веера из чернильной кости в руке Жэнь Ифэя прошёлся по груди Цин Хуна до самой шеи. Голос Жэнь Ифэя был хриплым и медленным, напоминая старый дух и лунный свет на озере: «Твое дыхание изменилось, я заставляю тебя нервничать?»

Цин Хун дважды моргнул и отвлекся. Внезапно он почувствовал легкую жажду.

Жэнь Ифэй тихо спросил: «Продолжая предыдущий вопрос, этот ребенок сделан из моей крови?»

Вопрос возник из ниоткуда и заставил Цин Хуна резко вдохнуть. Его глаза расширились, а дыхание участилось вместе с сердцебиением. Он заставил себя сказать: «Старший брат, почему, как такое могло случиться...»

Цин Хун отчаянно обдумывал различные отговорки и объяснения, но какой бы совершенной ни была причина, он не мог ее произнести. «Я не могу солгать ему об этом.....», — с грустью обнаружил он.

Он может не ответить, но он никогда не сможет сказать «нет» Хэ Цзюню.

Глядя на выражение лица Цин Хуна, все стало яснее. Могло быть только что-то еще, столь же важное или еще более важное, что могло заставить младшего брата, одержимого первоначальным владельцем, решить причинить ему боль. Кроме того, ненормальное состояние, требующее принесения в жертву многочисленных демонов, предполагает, что этот ребенок не родится обычным путем.

В связи с болезненной одержимостью Цин Хуна первоначальным владельцем и инцидентом столетней давности ответ сразу же стал очевиден.

Жэнь Ифэй чуть не выплюнул кровь. Он думал, что квест его персонажа состоит в том, чтобы просто добыть три капли крови, но теперь кровь превратилась в ребенка. Что происходит?

Сложность квеста его персонажа только что увеличилась в несколько раз.

«Цин Хун».

Цин Хун поднял голову и увидел, что вся его нервозность отражается в этих спокойных, влажных глазах. Он почти хотел сбежать, но он также не мог не хотеть увидеть выражение лица своего старшего брата.

Будет ли он чувствовать отвращение?

Однако на лице Жэнь Ифэя не было ни отвращения, ни гнева, ни паники, ни радости; он был спокоен.

Не в силах сказать, что он чувствует в этот момент, Цин Хун почувствовал себя грустным.

Он был похож на игрока, который отчаянно поставил на кон все, что у него было, даже на самого себя, и поставил все на игорный стол, но другая сторона все еще отказывалась закончить игру. Он все еще держал свою чашу с вином, равнодушно наблюдая за происходящим со стороны.

Жэнь Ифэй почти достиг сути его секретов: «Скоро уже стемнеет, и пагода тоже появится».

Фрагменты подсказок были соединены воедино на глазах Жэнь Ифэя. Он не был детективом и не отличался необычайной сообразительностью, но имея достаточно подсказок, он мог дать правильный ответ.

Этот пир для ребенка, и все гости жертвы. Только после того, как они будут принесены в жертву, ребенок успешно родиться. Кроме того, отражение пагоды в сумерках является ключом ко всему этому. Какая у него причина не подозревать, что ребенок находится в пагоде?

Ребенок - кровь его сердца, поэтому цель его поисков также должна быть в пагоде.

«Нет», Цин Хун хотел остановить его, но обнаружил, что его тело не может двигаться.

«Хозяин», — появилась фигура Кукловода.

«Кто ты?» Цин Хун посмотрел на странную и безжизненную тень.

Внезапно холодная, нежная рука легла на его щеку. Цин Хун тупо уставился на владельца руки: «Старший брат.....»

Глаза Жэнь Ифэя были ярко-красными, напоминающими рубины высшего сорта, с черными рунами вокруг его зрачков.

«Последний вопрос: что ты видишь, когда находишься под действием наркотика?»

«Ты увидишь... страх...» Голос Цин Хуна становился все слабее и слабее.

«Страх?» Жэнь Ифэй задумался над этим словом: «Итак, то, что я увидел, было страхом».

Он думал, что давно повзрослел и преодолел этот страх, но это не так. Страх всегда присутствовал в самой глубокой части его сердца.

Получив ответ, он снова посмотрел на Цин Хуна: «Где противоядие от наркотиков?»

«Я.....»

Невыразимая усталость сжала его сердце, и Цин Хун мог только чувствовать, как его веки становятся все тяжелее. Он упал на Жэнь Ифэя и лег в объятия другого. Закрыв глаза, он прошептал: «Старший брат».

Жэнь Ифэй опустил голову, и его волосы каскадом упали вниз. Выражение его лица было одновременно нежным и жестоким, когда он смотрел на ничего не подозревающего мужчину, лежащего на нем.

«Спи».

К тому времени, когда ты проснешься, ты столкнешься с возмездием.

На протяжении всей долгой карьеры первоначального владельца его младший брат, Цин Хун, был особенным существом. Однако он не был самым особенным. Хэ Цзюнь был человеком, который не знал, что такое любовь, и никто не мог стащить его с алтаря; даже его младший брат.

Хотя привязанность и одержимость Цин Хуна были очевидны в его глазах, он был к ним равнодушен.

«Я могу дать тебе все, кроме любви».

<http://bllate.org/book/15647/1399017>